

18 АВГ 1987

КОМСОМЛЬСКАЯ ПРАВДА
г. Москва

Я люблю атакующий стиль

Вы когда-нибудь видели счастливого человека? Я видел. Смотрел в улыбочивые, задиристые глаза этого парня в спортивной куртке, и на языке вертелось слово: «счастливчик». Внешность бывает обманчива. Вот мне и захотелось спросить у Михаила Муромова, действительно ли он так удачлив, как кажется? Где истоки этого жизнелюбия, молодой, азартной силы, что сквозит в каждом его движении, в каждой черточке?

— Я родился в обычной московской семье, скромной семье служащих, где самым ценным были не сберкнижки и мягкая мебель, а добрые человеческие отношения.

Между Каляевской и Пятой Тверской есть район, который местными назывался «Котяшка». Район по тем временам был шпанистым. Помню, в классе, на «камчатке», сидели ребята-колонисты. Совсем еще пацаны, но уже со сроком за спиной. Словом, мальчику «с белым воротничком» частенько приходилось возвращаться домой с оторванным воротничком и разбитым носом. Правда, и я в долгу не оставался. Отец — человек строгий, воспитывал меня по-спартански. Всей семьей ходили в походы.

В футляре из-под виолончели можно было обнаружить и плавки для бассейна, и учебник по французскому. В школе проходили английский, а не учить еще один язык дома считалось предосудительным, ведь отец в совершенстве владеет многими европейскими языками.

Потом тяжелую виолончель сменила легкая гитара. Уже в десятом классе я стал ходить в клуб «Мелодия и ритм». Он помещался в кафе «Молодежное» на улице Горького. Туда ходили и Слава Малежик, и Макаревич, и Градский. Тогда возникли многие популярные сейчас группы. Вскоре клуб разогнали. Но осталась тяга к музыке, желание создавать ее самому.

— Значит, уже со школы у тебя наметились как бы две параллельные жизненные линии — спорт, риск, самоутверждение и музыка?

— Наверное, это так. Спорт я действительно люблю. Хорошо плаваю. Горные и водные лыжи, автомобиль — моя стихия. Но если лыжи, то — слалом, а не фигурное катание. Словом, выбираю атакующий стиль. И в жизни тоже. Когда бросил аспирантуру и пошел метрдетелем в ночной подмосковный ресторан, мама пришла в ужас. Она хотела, чтобы я был химиком. Но пробирки и мензурки были не по мне. А в ресторане началась ковбойская жизнь — «Москва кабацкая». Но это только на первый взгляд — романтика. А на деле опасная, тяжелая работа. Все приходилось видеть — и кровь, и грязь. Но хотелось не молодецких забав, а дела.

И тут меня пригласили сниматься в картину «Единственный мужчина». Я играл милиционера. Роль была небольшая, но режиссер долго меня испытывал, справлюсь ли.

Потом был телевизионный фильм «Трест, который лопнул» по О'Генри. На этот раз я играл роль индейца. В фильме было много стрельбы, трюков, скачек. Мне это нравилось. Кстати, в этом фильме я впервые публично зашел.

Уже тогда, имея домашнюю студию, я стал записывать песни, писать музыку к фильмам.

В 1982 году впервые появился на телеэкране с песней «Птица синее крыло». Песня понравилась, все шло гладко. Весной 1983 года возникла песня «Моя Москва», и тут начались первые неурядицы. Песню сильно искромсали, но все-таки выпустили в эфир.

Когда я пришел на худсовет с песней «Метелица», началось что-то непонятное. Я добился, чтобы песню прослушали при мне, ведь обычно с худсоветов авторов выгоняют. Видел, как они дружно топали в такт, пока шла фонограмма, а потом так же дружно сделали кислые лица.

Худсовет — не комиссия, а совет, значит, он должен не «заработать» — советовать. Надо, чтобы его состав менялся хотя бы раз в полгода и чтобы его членами стали представители разных музыкальных направлений и обязательно пресса.

Я мечтал сам сочинять, аранжировать, оркестровать, исполнять и записывать. Моя мечта сбылась, но кому-то она не понравилась. Надо было каждый раз доказывать себя. Доказывать себе.

Он писал музыку к «Зоне риска», многим другим спектаклям, за что в 1986 году получил приз «Театральной жизни» — бронзовую статуэтку Мельпомены, сочинял и пел «афганские» песни, хотя в Афганистане никогда не был. Был в Салехарде, в Стржежом, где буровики, подпирая дощатые стены клуба крепкими плечами, слушали его, не успев отмыть черные от работы руки...

Мы сидели на кухне и разговаривали. Зазвонил телефон.

— Мама, — объяснил Михаил, — говорит, что меня должны по «телеку» показать, волнуется, как бы не вырезали... Я мечтал поймать мечту за хвост. Теперь она у меня в руке. Нужна новая.

А. АНДРЕЕВ.